

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. П. ЛАСКОВИЧА НА ВОПРОСЫ РОСПУСКА КПЗБ

Владислав Чащевой

Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина, Брест, Беларусь

В данной статье будут рассмотрены мировоззренческие и идейно-политические взгляды В.П. Ласковича на вопросы роспуска КПЗБ, его отношение к советской номенклатуре

Ключевые слова: *роспуск КПЗБ, отношения, реабилитация, номенклатура*

Долгие годы вопрос роспуска партии был для В.П. Ласковича глубоко интимным, и только в конце жизни он выразил решительное усилие выразить свое отношение к этой драматической странице его личной биографии и важнейшего государственно-политического события. В своих работах В.П. Ласкович делится с читателями своими впечатлениями и размышлениями, щедро приправленной неоднозначными и субъективными размышлениями о международной ситуации в Европе, внутривнутрипартийной борьбе в ВКП (б), КПП и КПЗБ, непонятной для него позиции И.В. Сталина в событиях вокруг роспуска КПП, «сионисты» и всякого рода «масонов» и их «мутной» роли в драматических обстоятельствах роспуска партии и репрессий в отношении ее членов [6]. Ласковича настораживало «прохладное» отношение советской номенклатуры к членам КПЗБ. Он считал, что членов КПЗБ предали советские органы и высшее советское руководство, которое оставило их на произвол судьбы с «сильным и коварным врагом в лице фашизма». И после войны как утверждал Ласкович, над ним издевались, смеялись и презирали советские партийные органы. Отмечал, что испытывал первоначальную эйфорию от прихода Красной Армии в Западную Беларусь, радости не было конца и энтузиазму не было предела, но практическое соприкосновение с командирами Красной Армии, партийными и советскими работниками НКВД убедило бывших членов КПЗБ в нежелании советского руководства сотрудничать с ними, что выразилось в нежелании опираться на них, вовлекать в живую низовую работу, выражая тем самым недоверие, презрение. Над многими членами КПЗБ насмехались, угрожали, называли их провокаторами «морально пытали».

Как утверждал Ласкович, советское руководство называло членов КПЗБ провокаторами, и твердило то, что КПЗБ была создана разведкой Пилсудского и 20-летняя борьба с польскими властями никому не была нужна в СССР. Советские органы считали тех, кто сидел в застенках дефензивы не политзаключенными, а уголовными элементами. Ласкович и члены КПЗБ считали, что против них было полное объединение советских чиновников и бывших членов дефензивы. НКВД сразу же взялось за бывших членов КПЗБ после присоединения Западной Беларуси к СССР, поставив под вопрос революционную деятельность бывших членов КПЗБ [2, л.8].

Ласкович очень трепетно и болезненно относился к роспуску КПЗБ, КПЗУ, КПП, видя в этом ошибку сталинского руководства и последующие поражения СССР в начальный период Великой Отечественной войны, репрессировав многих членов КПЗБ, КПП, КПЗУ, во время войны, сняв тысячи членов КПП и КПЗБ с фронта и рассеяв их по территории СССР без права передвижения, их бросили в лагеря. Он считал, что моментом репрессий по отношению к КПП и КПЗБ является роспуск и уничтожение с 1929 г. «ленинской гвардии» и получившее свое кульминационное развитие в 1937 г. и формально окончившиеся в дни исторического решения XX съезда КПСС и именно с этим он связывает уничтожение «золотого фонда» кадров Коминтерна. Утверждал, что КПП и ее ответвления объединяли в своих рядах самых лучших представителей партии. Ласкович считает, что роспуск КПП, КПЗБ, КПЗУ был «чудовищной ошибкой» и это было связано из-за нелюбви Сталина к полякам в историческом плане и потому всегда относился к КПП пренебрежительно и даже враждебно и к тому же Сталин, будучи

закруженным своим «величием» в июле 1938 г. дает указание Коминтерну распустить КПП, КПЗБ, КПЗУ. Ласкович увидел в этом промах Сталинского руководства, что позволило Гитлеру спокойно напасть на Польшу, потом на СССР. Виновниками роспуска и распада КПЗБ Ласкович считал Сталина и его подручных [1, л.8].

Одним из главных виновников репрессий против членов КПЗБ Ласкович считает Берию и его «штурмовиков». Благодаря их стараниям часть революционеров под разными предлогами были осуждена на расстрел, часть брошена в лагеря смерти, часть была изолирована, осмеяна и находилась под «наблюдением». Это был удар по романтизму Ласковича к советской власти и руководству СССР. Утверждал, что бывшие осадники, доносчики, шпики после воссоединения Западной Беларуси с БССР вдруг очутились в «активе» советской власти. Многих из них избирали в местные, Верховные Советы, выдвигали на должности, стали «вхожими» в партийные и советские органы, стали «лучшими друзьями» органов советской разведки [3, л.17].

Ласкович после войны беседовал со многими людьми, участвовавшими в походе в Западную Беларусь, которые обороняли крепость и Брест и спрашивал, что они слышали, идя в Западную Беларусь, о революционной борьбе на этих землях до 17 сентября 1939 г. В своих ответах 99% отвечали, что ничего подобного в этом плане они не слышали, 1% рассказывали, что политруки в беседах им говорили, что КПЗБ создана полицией из провокаторов и ее члены все предатели. Как он утверждал после такого опроса у него «кровь стынет в сердце», что окончательно развеяло его иллюзии и радужные надежды к советской власти и ее отношению к КПЗБ. Считал величайшей национальной трагедией клевету на КПЗБ [3, л. 19]. По воспоминаниям членов местных партийных органов, им была дана установка, что «врагами» советской власти в западных областях могут быть только члены КПЗБ. С позиции такой установки и мерили, и оценивали деятельность КПЗБ, если все другие могли вступать в КПСС, то к членам КПЗБ применяли параграф устава КПСС, при этом неверно его толкуя. Советские власти утверждали, что якобы члены КПЗБ являются выходцами из другой враждебной партии. Ласкович выделяет этап атаки на членов КПЗБ с 1939 г. и до момента опубликования заявления пяти компартий о реабилитации КПП 18 февраля 1956 г [2, л. 8–10].

Он приводит примеры как НКВД обвиняло членов КПЗБ в том, что они, находясь в подполье и тюрьмах, остались живыми, поэтому обвинял советских чиновников в невежестве, слепоте, незнании элементарных условий подполья, противоречий классовой борьбы, в неверии в советских людей и их высокие коммунистические идеалы. Такое отношение чиновников в 1939 г. к членам КПЗБ привела к упадку духа и умалчиванию своего прошлого. Ласкович отмечает, что после войны многие члены КПЗБ не могли восстановить свой подпольный стаж и членство в КПЗБ, что могло послужить поводом к отказу и немногие из них получали небольшую пенсию. Члены КПЗБ жили в исключительно тяжелых, материальных и жилищных условиях и о курортном лечении даже не мечтали. Ласкович критикует советскую власть из-за ее неравномерности в проявлении «гуманности и доброты». Приводит в пример военнослужащих, работников КГБ, проходящих службу на севере, где им засчитывают один день службы за три дня, и они уходят на хорошую пенсию, а члены КПЗБ получали совсем мизерную пенсию или вообще не получали [2, л. 16].

Примером этого служат многочисленные заявления Ласковича по присвоении ему персональной республиканской пенсии, поездок в санатории из-за состояния здоровья, но в основном Ласковичу отказывали, а если и удовлетворяли, то только частично.

Отдельно нужно остановиться на отношении Ласковича к личности И.В. Сталина. Много раз на страницах своей работы он с умилением говорил о величии И.В. Сталина. «До слез обидно, – писал автор, – почему он оставил после себя то, что так тяжело затемнило его авторитет и величие, дало врагу возможности облить грязью так много хорошего» [5, с. 370]. Такое отношение советского руководства к бывшим членам КПЗБ привело к тому, что В.П. Ласкович к 1991 г. окончательно перестал быть идейным коммунистом, так как разочаровался в КПСС, считал, что номенклатура и верхушка власти глумились над ним и его трудами, несмотря на десятилетие его страданий в подполье, участия в партизанской борьбе и честную жизнь в послевоенные годы. К

сожалению, кроме как преследования номенклатура Брестского обкома горкома КПБ Ласковичу ничего не дала. Считал, что номенклатура рвалась к вершинам власти с единственной целью наживы. Причиной своего выхода из рядов КПСС он полагал не только экономические мотивы, но в первую очередь моральную и нравственную сторону. Он утверждал, что номенклатура из 50 последних лет, когда сама обогащалась 40 лет его держала умышленно на 100-130 рублей заработной платы. Считал это мстостью за то, что постоянно находился в острых конфликтах, разоблачая их аморальное поведение [4, л. 6]. Ему в течении 30 лет, как утверждал Ласкович, с «издевкой» зарплату дозировали сначала размере 50, затем 80, 120, 140 рублей. Семья Ласковича постоянно нищенствовала, но несмотря на это вел большую исследовательскую работу, написал 2 книги (рукописи), но номенклатура тормозила их выход. Он считал, что его «выбросили» из горкома КПБ, только за то, что он якобы «западник» которого отправили в областную прокуратуру под надзор «восточникам» на исправление. Эта лишь тысячная доля тех «гроздьев гнева», которые творили над Ласковичем и о которых он пишет в своем личном архиве. Считал во всем виноватыми обкомовско-горкомовскую номенклатуру, которая наносила ему оскорбления. Считал ее шайкой мошенников, что они не ведали и не понимали историю КПЗБ и историю ВКП(б) запутали, подгоняя события под желание очередного «вождя-негодяя», доведя ее до смешного антинаучного талмудизма [4, л.8].

Ласкович подчеркивал надменное отношение КПСС к членам КПЗБ, особенно партийному стажу членов КПЗБ. Партийный стаж не признавался за членами КПЗБ, а за коммунистами до 1917 г. если не было партбилета, то могли не пустить на партсобрание, а у членов КПЗБ его не было в подполье. Считали КПЗБ враждебной к КПСС и КПБ. Ласкович в оценке партноменклатуры был непримирим, считал, что его держали на голодном пайке, определяя такую работу, где платили не выше 120–150 рублей, тормозили издания книг, ущемляли в публикациях материалов [4, л. 9, 14]. Многократно обращался в советские партийно-государственные органы для получения нужных ему документов. При этом, вместо конструктивного сотрудничества, иногда от соответствующих инстанций он получал недоразумение и даже грубость. В архивах для многих бывших членов КПЗБ доступ был ограничен и поэтому Ласкович утверждал, что работал в «нелегальных» условиях, добывая нужную для себя информацию. Ему даже запретили работать в архивах, без направления отдела обкома и горкома; но получал бумажки-разрешения нелегальным путем. К 70-летию юбилею провели ряд воспитательных мероприятий над Ласковичем. Проверили его прошлое и вместо благодарности (виновен Соколов – секретарь Обкома), запретили печать, радио, телевидение отмечать юбилей Ласковича. Перестали его «узнавать». Считал «ленинцев» из Брестского Обкома страшными и опустошенными людьми, хуже гитлеровского руководства [4, л. 8,29]. Все эти мероприятия советских чиновников над Ласковичем и бывшими членами КПЗБ были результатом его принципиальной позиции по поводу роспуска КПЗБ, однозначной негативной реакции по поводу роспуска КПЗБ и резкого осуждения действий советских властей по поводу этого события, что разумеется не нравилось советской номенклатуре, которая после войны начала действия по дискриминации и игнорированию бывших членов КПЗБ и их предложений.

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 500. – Оп. 1. – Д.7.
2. ГАБО. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 16.
3. ГАБО. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 141.
4. ГАБО. – Ф. 500. – Оп. 1. – Д. 335.
5. Ласкович, В.П. Подвиг Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ) 1919–1939 гг.: ист. очерк / В.П. Ласкович, В.В. Ласкович. – Брест: ОАО «Брестская типография», 2002. – 404 с.
6. Савіч, А.А. Роспуск КПЗБ у працах В.П. Ласковіча / А.А. Савіч // Мовы Вялікага Княства Літоўскага: матэрыялы IV Міжнар. навук. канф. (Брэст, 18–19 мая 2004 г.) / пад агул. рэд. М.М. Аляхновіча. – Брэст: Акадэмія, 2005. – С. 153–155.

**WORLDVIEW AND IDEOLOGICAL AND POLITICAL VIEWS V.P. LASKOVICH
ON THE DISSOLUTION OF THE KPZB**

Vladislav D. Chasshevoj

master student, Brest State University named after A.S. Pushkin, Brest, Belarus

Summary: This article will examine the ideological and political views of V.P. Laskovich on the issues of the dissolution of the KPZB, its relation to the Soviet nomenclature

Keywords: *dissolution of the KPZB, relations, rehabilitation, nomenclature*